

НИКИТА КРИЧЕВСКИЙ

НАСЛЕДИЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Истоки русского
экономического
характера

Никита Александрович Кричевский

Наследие противоречий.

Истоки русского экономического характера

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21539186

Наследие противоречий: истоки русского экономического характера:

Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°»; М.; 2016

ISBN 978-5-394-02687-4

Аннотация

Эта книга о противоречивом характере русской экономики. О том, почему мы часто поступаем в соответствии с далекими от рациональных мотивами, что подталкивает нас к семейной кооперации, каковы «спящие» черты нашего менталитета, разбудив которые, дополнив их достижениями современной экономической теории, мы можем выйти на траекторию устойчивого развития. Книга об алогичной роли государства в русском национальном хозяйстве, о значении семьи и общины, об идее справедливости, на которой можно выстроить ключевые постулаты мобилизационной экономики. Издание адресовано самому широкому кругу думающих читателей: студентам, аспирантам, исследователям в сфере социальных наук,

бизнесменам, чиновникам, домохозяйкам, всем, кто переживает за судьбу нашей Родины.

Содержание

Введение	6
Глава 1. Великое расхождение	14
Этос	16
Ресурсное проклятие[5]	28
Церковь	37
Глава 2. Моральная экономика	50
Без напряжения	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

**Никита
Александрович Кричевский
Наследие противоречий:
истоки русского
экономического характера**

© Кричевский Н. А., 2016

© ООО «ИТК «Дашков и К°», 2016

*** * ***

Всем российским пенсионерам с благодарностью

Введение

Почему в России, несмотря на применение самых разных прозападных экономических теорий – от монетаризма и индивидуализма до кейнсианства и институционализма, – уже четверть века не удается построить эффективную экономику? Ответ вполне очевиден: все эти теоретические воззрения в той или иной степени не учитывают главного актора экономических действий – человека, его менталитет. Проще простого принять за основу механистическую умозрительную модель *homo economicus* (человека экономического), а дальше подбирать по своему усмотрению меры по активизации потребностей “умной машинки”. Лишь немногие понимают, что экономика – наука не физиократическая, не “разновидность социальной математики, в которой математическая точность – это все, а эмпирическая релевантность – ничто”¹, а система знаний о хозяйственном взаимодействии социума. Следовательно, многие действия индивидуумов связаны не столько с утилитарным удовлетворением желаний, сколько с идеологией, религией, этикой, психологией, особенностями национального характера.

Фридрих фон Хайек говорил об этом так: “Я старался обнаружить линии развития, связывающие экономику с собы-

¹ Ссылки на источники цитат приводятся в конце каждой главы.

тиями, которые обычно к ней не относят. Но когда мы обнаруживаем эти связи, становится очевидно, что мало признать их наличие. Речь идет о нитях, которые идут от экономики к другим сферам жизни общества – к политике, религии, науке и технике. Там они укрепляются и, возвращаясь в экономику, обогащают ее. Я не приложил особых усилий, чтобы проследить эти пути, но меньше всего хотелось бы отрицать их существование”². Вот именно – нити, связывающие общество на ментальном уровне, обогащают экономику, наполняют ее дополнительным содержанием, выводят на путь устойчивого развития. Задумываемся ли мы об этом в повседневной суете требований к действующей власти, неумело оправдывающейся за незнание того, что является безусловным?

Экономика современной России пока системно отделена от этики и морали, что также теоретически объяснимо: неписанные нормы социальной кооперации, межпоколенческого взаимодействия, общественной справедливости не имеют четкого экономико-математического выражения, а потому отбраковываются вследствие сложности, малоизученности, непредсказуемости. “Нашему правительству с народом не повезло”, – вот квинтэссенция неспособности власти примерить идеализированные формальные правила к действующим общественным установкам. Об упорядочивании государством эволюционно меняющихся ментальных устоев, раз уж их нельзя изменить имеющимися способами, и речи нет

– не по Сеньке шапка.

Многие навязываемые в России либеральные институты не приживаются на нашей общинно-патерналистской почве, и чем больше их насаждают, тем сильнее общественное отторжение, тем дальше расстояние до возврата к неписаным традициям и правилам. Эффективность работы институтов лишь отчасти зависит от устанавливаемых правил игры, не меньшую долю успеха приносит степень соответствия этих правил утвердившейся этике. К счастью, мы все понимаем, для чего существуют правила, значит, нам будет легче достигнуть соглашения относительно качественного институционального насыщения нашей экономической системы. Однако без знания особенностей стиля жизни нации, ее психологии, иерархии ценностей осуществить эту в целом не такую уж сложную операцию, как показывает предшествующий опыт, невозможно. “Единственный способ, которым мы можем стремиться к объективности в теоретическом анализе, – это вывести наши ценности из тени на свет, осознать их, ...открыто заявить о них и позволить им определять теоретические исследования”³.

В экономике, как и в социальной психологии или в межличностных коммуникациях, простых и одновременно продуктивных решений не бывает. Вместе с тем у современного поколения исследователей есть обширная историческая и статистическая база для анализа, массив, общие закономерности которого, как правило, расходятся с общепринятой в

современном мире экономической теорией. Открытые рынки, свободная торговля, совершенная конкуренция, исчерпывающая информация, равновесие спроса и предложения вне пространства и времени – метафоры из области научно-экономической фантастики, образ мышления для создания книжных физических или экономико-математических моделей, не совпадающих с действительностью, однако методично, иногда – с остервенением внедряемых их статусными адептами. С таким же успехом в России можно развивать рыбководство, надеясь, что однажды на свет появится золотая рыбка или волшебная щука.

Книга, которую вы держите в руках, – о том, что русский человек (под русскими в книге подразумеваются все жители нашей многонациональной России, а не только те, кто причисляет себя к этническим русским) отличается и от разнородных жителей Европы с Америкой, и от пестрого населения Азии. Эта в целом банальная, но почему-то пока еще не общепринятая истина должна стать главным принципом при разработке любой экономической программы для России и одной из доминант нового направления экономической мысли – ментальной экономики.

У нас всегда было в избытке территории, земельных, водных, лесных ресурсов, полезных ископаемых, вместе с тем мы живем в стране с неблагоприятными природно-климатическими условиями, где выживание важнее благообразности. Древнее зодчество у нас преимущественно деревянное,

неказистое – мы всегда держали в уме возможность бросить, несмотря на вложенные усилия, свой земельный надел, разобратъ пятистенку и двинуться вглубь России, уходя от внешнего врага, непомерного тягла или дурного воеводы.

“Домашнее”, из своих же сородичей рабство (холопство) в противовес рабам-иноземцам (челядинам) у нас было отменено только в начале XVIII в., а крепостничество – в середине века XIX. Причем в рабы мы часто вступали добровольно, по желанию или по любви, при этом могли копить, зарабатывать на стороне, получать волю без какого-либо выкупа.

Мы патерналисты и всегда стремились заложиться за сильного: слишком тяжелы были последствия неурожаев, капризов природы, войн или лиха. Семья у нас четко патриархальная, а община – наоборот, демократическая. Мы знаем положительные и отрицательные стороны народного волеизъявления, но предпочитаем, чтобы нашей национальной семьей управлял большак.

Мы общинники и привыкли жить, опираясь на мини-социум, контактируя, впрочем, и с другими социальными мини-стратами. В то же время на протяжении многих веков мы искренне не понимаем, на каких основах формируются провластные семьи или элиты. Мы не прикладываем к их появлению и возвышению равным счетом никаких усилий (мало того – нас часто используют в этих целях), однако пребываем в наивной уверенности, что члены этих кланов нам что-то должны.

Мы всегда горой стояли за свою Родину и готовы были пожертвовать жизнью ради общей семьи, но одновременно наместникам от государства не доверяли, стремясь всеми способами защитить невидимый материальный рубеж, отделявший наши интересы от государственных. Даже после относительно позднего по сравнению с Европой появления банков мы продолжали тайно, незаметно для власти сберегать, причем как индивидуально, так и коллективно.

Ревностно оберегая припрятанное “на черный день” от властей, мы все же снова и снова одалживали государству, интуитивно осознавая, что нас, как всегда, обведут вокруг пальца. Тем не менее отказ в помощи нашей большой семье всегда был равносителен предательству. Трусов мы ненавидели, но, по совпадению, именно трусы, особенно в последние столетия, круто меняли русскую государственную сущность.

Коллективизм, наша общинная природа, проявляется в самых разных неформальных институтах, в том числе в круговой поруке. Мы много раз обманывались, знали о неприятностях других, но снова и снова руководствовались губительным с экономической точки зрения, но единственно верным для русского человека принципом “сам погибай, а товарища выручай”.

Мы никогда не оценивали права собственности с формальных позиций, но всегда – под углом зрения потраченного на тот или иной объект труда. К торговле и посредничеству относились пренебрежительно, полагая, что истин-

ный труд – не в реализации якобы природной человеческой склонности к торгу и обмену, а в создании нового полезного продукта с применением трудовых и интеллектуальных навыков, с использованием социального капитала.

Государство же наше, напротив, всегда имело слабость к торговле, что в древние века, совмещая ее с разбоем, что в наши дни, регулируя и ограничивая торговую деятельность во всех ее проявлениях. Привычка государства совмещать законную коммерцию с незаконными способами ее ведения передалась населению, которое никогда не стеснялось применять аморальные методы в торговле с иностранцами, “не брезгуя” и своими.

Мы редко перенапрягались в работе, даже сибаритствовали иногда, за исключением скоротечных сезонных периодов. В то же время мы начинали больше работать и подрабатывать по мере прибавления едоков в наших семьях, тогда как европейцы, включая прилежных протестантов, в подобных случаях снижали потребление.

Нам всегда была важна материальная компенсация за наш труд, но мерилom ценности выступало не только богатство или возможность удовлетворить базовые потребности семьи в пропитании и крыше над головой. Не менее актуальным для нас было и остается нематериальное поощрение, уважение близких, общественное признание.

К нашему рублю мы с давних времен относимся и горделиво, и в то же самое время брезгливо. Многочисленные

металлические монетные аферы, а также минимум шесть необеспеченных бумажных денежных эмиссий, от Екатерины II до Бориса Ельцина, приучили нас сберегать во всем, в чем только можно, только не в национальной валюте.

Мы всегда были одержимы нашей национальной идеей – справедливостью, и даже малейший полунамет на ее скорое воцарение раскрывал нам крылья. Но крылья эти трагически сгорали в последующих рутине, войнах и национальных катастрофах.

Жажда справедливости как эстафетная палочка передается среди нас из поколения в поколение. Вместе с противоречиями, наследниками которых мы являемся.

Никита Кричевский

* * *

¹ См.: The Problem with Formalism: An Interview with Mark Blaug // Challenge. – 1998. – May/June.

² Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. – Челябинск, 2011. – С. 71.

³ См.: Myrdal G. Objectivity in Social Research. – London: Gerald Duckworth & Company Ltd. Partington, 1970. – P. 55–56.

Глава 1. Великое расхождение

“Великое расхождение”² в развитии Востока и Запада многие годы занимает умы политиков, экономистов, социологов, философов. Однако мало кто, особенно в среде российских интеллектуалов, рассматривает не менее интересную тему расхождения не Востока и Запада, а России и Запада. Попробуем исправить упущение с экономической точки зрения – в этой главе будут представлены три причины “великого расхождения” нашей страны и Европы: различия в этосе русского и западного обществ, “ресурсное проклятие” и роль православной церкви. Америка, ввиду преимущественно европейских истоков ее формирования, в предлагаемое обсуждение не вошла.

Когда-то нобелевский лауреат Дуглас Норт сформулировал идею этой книги так: “Главная загадка человеческой истории – как объяснить широкую дивергенцию (расхождение) траекторий исторических изменений. Как случилось, что об-

² Научный мем, означающий причины, по которым социально-экономическое развитие Востока и Запада пошло различными путями (напр., Лал Д. Возвращение “невидимой руки”: актуальность классического либерализма в XXI веке: Пер. с англ. – М., 2009). Термин родился и вырос в США, где многие социально-экономические события привычно именуются “великими” (“Великая депрессия”, “Великая рецессия”, “Великий размен”, “Великое изобилие” и пр.), хотя они, скорее, исторически предопределенные.

щества стали развиваться по расходящимся историческим траекториям? Почему общества так отличаются друг от друга? Ведь все мы, в конце концов, произошли от первобытных сообществ охотников и собирателей”¹. Почему русский социум, оказавшись на развилке между общинностью, коллективизмом, с одной стороны, и индивидуализмом – с другой, пошел по первому пути, чреватому подавлением (подчинением) личности, противостоянием общества с формальными (государство) и относительно неформальными (церковь) институтами, всеохватной зависимостью от действий власти? Ответ на этот вопрос не может быть односложным.

Этос

Этос, или стиль жизни общественной группы, нации, народа, его культура, иерархия ценностей, таит в себе ответы на множество вопросов, связанных с выбранной Россией исторической колеей. Об этосе, общественном менталитете (в значении совокупности интеллектуальных, эмоциональных, культурных, нравственных особенностей, как правило, не проявляющихся в повседневной жизни, но зная которые можно с большой долей вероятности предсказать действия как отдельного человека или группы, так и общества в целом) будет много сказано в этой книге. Здесь рассмотрим некоторые экономические различия в русском и западном этосах, прежде всего несоответствия в хозяйственной культуре как наборе кодов, предопределяющих экономическое поведение человека и оказывающих на него имплицитное управленческое воздействие.

Что такое “хозяйственная культура”? По Фрэнсису Фукуяме, такая “культура есть унаследованный этический навык или привычка (*habit*). Этический навык может состоять как в определенной идее или ценности – к примеру, представлениях о том, что у свиньи нечистое мясо или что корова является священным животным, – так и в действующей социальной традиции – к примеру, японском обычае, согласно которому старший сын наследует все отцовское состояние.

В этом свете культуру, наверное, было бы легче определить через то, чем она не является. В первую очередь она не является рациональным выбором – тем, что лежит в основе экономической концепции человека как рационального существа, максимизирующего полезность (способность удовлетворить человеческие потребности. – *Н.К.*). Надо уточнить, что, говоря о “рациональном выборе”, я имею в виду не столько рациональные цели, сколько рациональные средства – то есть учет альтернативных путей достижения конкретной цели и выбор оптимального пути в зависимости от имеющейся информации. Решения, продиктованные культурой, суть решения, продиктованные привычкой”². Таким образом, хозяйственная культура далеко не всегда в качестве решения той или иной хозяйственной проблемы подразумевает оптимальные пути, основанные на рациональном (разумном) выборе из имеющихся альтернатив. Например, одалживая некоторую сумму оказавшемуся в стесненных обстоятельствах знакомому и зная по предшествующему (возможно, чужому) опыту, что будущий должник если и расплатится, то нескоро, мы тем не менее все равно предоставляем неформальную, то есть без официального оформления, ссуду, пусть в меньших объемах от запрашиваемого. Какой мотив движет нами в этот момент? Сострадание, сопереживание, чувство долга – все, только не разум, подсказывающий, что со своими деньгами мы расстаемся если не навсегда, то надолго. Столь “неразумно” мы ведем себя потому, что так

поступали и поступают наши родители, друзья, кумиры, являющиеся для нас нравственными ориентирами. Это не хозяйственное (экономическое), но нравственное здравомыслие, хотя и основанное на эгоистичном стремлении жить в ладу с самим собой (с собственными представлениями о морали).

О том же говорил и Фукуяма: “Как явствует из самого слова “культура”, наиболее сложные этические правила, по которым живет человек, всегда произрастают на почве повторения, традиции и примера. Эти правила могут отражать глубокую “адаптивную” рациональность, они могут служить экономически рациональным целям, наконец, в ограниченном кругу индивидов они могут быть результатом рационально достигнутого соглашения. Однако от поколения к поколению они передаются как нерациональные навыки общественной жизни. Эти навыки, в свою очередь, гарантируют, что поведение людей никогда не будет сводиться к голой максимизации эгоистически понимаемой полезности, о которой твердят экономисты”³. Об этом же, кстати, писал и Норт: “Хотя формальные правила можно изменить за одну ночь путем принятия политических или юридических решений, неформальные ограничения, воплощенные в обычаях, традициях и кодексах поведения, гораздо менее восприимчивы к сознательным человеческим усилиям. Эти культурные ограничения не только связывают прошлое с настоящим и будущим, но и дают нам ключ к пониманию пути истори-

ческого развития”⁴.

Итак: хозяйственная культура означает подвижный свод повторяющихся, наследуемых, рациональных и этических особенностей экономического поведения, оказывающих определяющее воздействие при выборе индивидуумом способов удовлетворения физиологических, материальных, социальных или духовных потребностей. Через хозяйственную культуру формируется хозяйственный этос, или (в данном случае) экономический характер общественной страты, нации, народа. Что же до рациональных целей и не всегда разумных средств их достижения, то здесь Фукуяма развивает тривиальную по нынешним временам мысль Людвига фон Мизеса, утверждавшего, что “либерализм отличается от социализма, который также провозглашает стремление к благу для всех, не по цели, к которой он стремится, а по средствам, которые он выбирает для достижения этой цели”⁵.

В отношении самой рациональной цели следует заметить, что мыслители часто предпочитали “проходить мимо”, памятуя о том, что могут “заковыряться”, поскольку цели могут быть как идеальными (недостижимыми, что превращает движение к ним в перманентный процесс), так и реальными, субъективными или объективными. Упрощенное целеполагание приводило к поверхностной (но не всегда неверной) оценке средств достижения, что также нередко характерно для западных экономических исследователей. Кажется, возьми за основу модель homo economicus (человека эконо-

номического) как обладающего совершенной информацией мгновенного вычислителя оптимальных путей для удовлетворения потребностей и получения удовольствий, и дальнейшие рассуждения покатаются сами собой. Вот как это, к примеру, происходит у “золотого голоса” западной капиталистической этики Макса Вебера и его заокеанского “пастыря” Бенджамина Франклина в книге Вебера “Протестантская этика и дух капитализма”: “...честность *полезна*³, ибо она приносит кредит, так же обстоит дело с пунктуальностью, прилежанием, умеренностью – все эти качества именно *поэтому* и являются добродетелями... Приобретение денег – при условии, что оно достигается законным путем, – является при современном хозяйственном строе результатом и выражением деловитости человека, следующего своему призванию, а эта деловитость, как легко заметить, составляет альфу и омегу морали Франклина”⁶. И никого не волнует, что, по Хайеку, “многие общественные институты, представляющие собой необходимое условие успешного достижения сознательных целей, по сути дела, являются результатом обычаев, привычек или установившихся практик, которые не были изобретены и соблюдаются без преследования какой-либо цели”⁷. Например, та же до сих пор ментально существующая русская община возникла для каких угодно целей, но только не как предприятие, алчущее прибыли.

³ Здесь и далее в цитатах выделения сделаны самими авторами, если не указано другое.

Деньги – вот, по мысли Вебера и Франклина, главный показатель деловитости, умеренности и прочих добродетелей, а цель жизнедеятельности – их “приобретение”. После прочтения труда Вебера значительная часть западного общества наверняка спешила воплощать теоретические установки в практику, повторяя: “приобретение денег (относительно) законным путем и есть искомая мораль”. Попутно западный обыватель вспоминал теорию эволюции Чарльза Дарвина, из которой вытекает, что Бога нет, а также воззрения Фридриха Ницше (“Бог задохнулся в богословии, нравственность – в морали”), и вот уже перед нами утилитарный, живущий для себя и по собственным моральным убеждениям человек, ключевым нравственным стремлением которого является “приобретение денег”.

Пестование, выпячивание ложных начал, характерный образец которого мы наблюдаем у Вебера, а также у многих, очень многих прочих исследователей, и формирует то самое отличное от русского мировоззрение западного общества. “Просвещенным” европейцам всегда казалось, что мы “идем не туда”, что мы “дикари” и “варвары”, что мы добровольно отказываемся от единственно верных, по мнению западников, добродетелей. А все потому, что мы никогда в массе своей не были озабочены “приобретением денег”. Из веберовского понимания западного экономического менталитета следует теоретическое обобщение на уровне хозяйственного строя, правда, при этом тот самый homo economicus по доро-

ге куда-то теряется: “Стремление к предпринимательству”, “стремление к наживе”, к денежной выгоде, к наибольшей денежной выгоде *само по себе* ничего общего не имеет с капитализмом. Это стремление наблюдалось и наблюдается у официантов, врачей, кучеров, художников, кокоток, чиновников-взяточников, солдат, разбойников, крестоносцев, посетителей игорных домов и нищих – можно с полным правом сказать, что оно свойственно *all sorts and conditions of men*⁴ всех эпох и стран мира, повсюду, где для этого существовала или существует какая-либо объективная возможность... Капитализм безусловно тождественен стремлению к наживе в рамках непрерывно действующего рационального капиталистического предприятия, к непрерывно *возрождающейся* прибыли, к “*рентабельности*”. И таковым он должен быть. Ибо в рамках капиталистической системы хозяйства предприятие, не ориентированное на рентабельность, неминуемо осуждено на гибель”⁸. Вебер отождествлял хозяйственную деятельность ради потребления с экономическими действиями, направленными в первую очередь на получение прибыли. Стремление к предпринимательству, наживе, денежной выгоде, наблюдающееся у представителей многих профессий и социальных групп, есть склонность к обеспечению потребления, как собственного, так и членов их семей (кланов, родов), но не к прибыли. Еще Аристотель, предвосхищая эту распространенную ныне методологическую ошибку,

⁴ Людям всех типов и сословий (*лат.*).

подчеркивал, что “сущностью домашнего хозяйства в собственном смысле слова является производство ради потребления – в отличие от производства ради прибыли, – однако, продолжает он, дополнительное производство для рынка отнюдь не должно разрушать самодостаточность хозяйства, пока *урожай в нем выращивается для пропитания семьи, как скот или зерно*; продажа излишков не должна разрушить основу домашнего хозяйства”⁹. В противовес Западу стремление к автаркии, самодостаточности домашнего хозяйства, нацеленное на наиболее полное удовлетворение потребностей индивидуума, семьи, рода (да что там – страны, о чем мы регулярно слышим в русских публичных прениях) за счет собственных ресурсов, но никак не прибыль, всегда были на переднем плане у русского человека.

Если излишек продавался, то не ради получения прибыли, а ради того, что конкретно на этот излишек можно было купить. Деньги на Руси всегда были в основном не средством обмена, а средством платежа, обозначавшим материальный уровень притязания на ту или иную вещь, недостающую не столько в хозяйстве, сколько в потреблении. (Призывать на помощь Дж. М. Кейнса с его хрестоматийным высказыванием: “Давно известно, что потребление представляет собой единственную цель всякой экономической деятельности”¹⁰ – полагаю излишним.) Что, безусловно, не исключает выполнения деньгами функции средства накопления (обеспечения будущего потребления), как и практической реализа-

ции некоторыми индивидуумами пресловутой “склонности торговаться и барышничать”¹¹ (этот фразеологический оборот Карла Полаanyi стал своеобразной интерпретацией Смитовой “склонности к торгу и обмену”¹²).

Именно намерением обеспечить будущее потребление на прежнем или хотя бы сопоставимом с достигнутым ранее уровне при реализации того или иного негативного риска объясняется страсть русского человека к формированию невидимых для фискалов заначек “на черный день” (на случай голода, лишений, болезней, войны, несправедливости со стороны государства), а если говорить об общине – общаков. Кстати говоря, заначки и общаки были в почете и у “склонных к торговле и барышам” купцов, промышленников, ремесленников, хотя им впору было бы усвоить посыл, сформулированный Вебером: “Время – деньги; тот, кто мог бы ежедневно зарабатывать по десять шиллингов и тем не менее полдня гуляет или лентяйничает дома, должен – если он расходует на себя всего только шесть пенсов – учесть не только этот расход, но считать, что он истратил или, вернее, выбросил сверх того еще пять шиллингов”¹³. Причем стремление к сохранению либо, при благоприятном стечении обстоятельств, повышению уровня потребления отнюдь не исключает капиталистические начала в экономике (ориентацию на рентабельность), которые ошибочно ставил во главу угла общественной жизни Вебер. Если по нынешним временам мы

ушли от автаркии в личных (семейных) хозяйствах (урожаи с садовых участков не в счет), это не значит, что мы изменили прежней склонности к обеспечению потребления любыми доступными нам способами, включая “резервирование” свободного времени (о чем будет идти разговор в следующем разделе).

Вебер, а также Франклин стали своеобразными кормчи-ми западных теоретизирующих и практикующих экономистов. Вот что, к примеру, говорил бывший председатель ФРС США Алан Гринспен в своем выступлении 10 июня 1997 г. на торжественном ужине в честь награждения ученых в Центре имени Вудро Вильсона: “Та капиталистическая культура и инфраструктура, которая поддерживает рыночную экономику в капиталистических странах, создавалась на протяжении многих поколений: законы, традиции, нормы поведения, а также разнообразные предпринимательские профессии и методы работы, которые в экономике централизованного планирования не играют заметной роли”¹⁴.

Мысль Гринспена “крутится” вокруг, по Веберу, основанного на “ожидании прибыли посредством использования *обмена*, то есть *мирного* (формально) приобретательства” капиталистического способа ведения хозяйства или просто капитализма¹⁵. Прибыль, деньги, не играли “заметной роли” не только в экономике централизованного планирования, но и в досоветской рыночной экономике. “Приобретение денег”, стяжательство практически всегда в русской жизни уступало

“уравнивающему” общинному менталитету наших предков, не зря же в русском социуме до сих пор в ходу завистливая поговорка “выбиться в люди”, то есть выйти из прежнего социального круга.

В этой связи движение к долговременным и эффективным институтам, таким как права собственности или соблюдение контрактов, нельзя признать исчерпывающим в деле постепенной трансформации русского экономического характера (об одномоментном сломе ментальной конструкции после неудачного “эксперимента начала 1990-х речь, надеюсь, не идет). Подтверждение чему – фактологическое несоответствие, подмеченное Дейдрой Макклоски: Китай, например, имел гарантированные права собственности на землю и коммерческие товары на протяжении тысячелетия. При династиях Мин и Цин (1368–1911) право собственности и контрактов соблюдалось и для верхов, и для низов, как это было на протяжении большей части китайской истории. То есть права собственности были, а промышленной революции так и не случилось, хотя Китай и Европа в экономическом развитии в Средневековье шли, как известно, “ноздря в ноздрю” (впрочем, Макклоски, как и автор, не ставят под сомнение безальтернативность наличия эффективного института прав собственности, необходимого для успешного функционирования экономики)¹⁶. Скорее, нужно говорить не об изменениях, а о продуктивном использовании различных черт русского характера в достижении устойчивого эко-

номического роста.

В русском этосе представления о добродетели отличны от западных. Хорошо это или плохо – отдельный разговор с неопределенным итогом (а скорее всего, без такового). Ясно, однако, что свойственные русским неприхотливость и небрежность в быту, стойкость и выносливость в лихие времена, изобретательность и иррациональность в хозяйственных делах, подвижничество и взаимовыручка в социальных вопросах и многие другие черты русского этоса появились не из космоса, а стали мировоззренческими характеристиками нации в ходе подвижнического перемещения по имперским российским просторам, героического противостояния в многочисленных кровопролитных войнах, разрешения внутренних социальных противоречий, хозяйственного и личного взаимодействия с другими народами, конвергенции религиозно-утопических представлений о справедливости и обескураживающей реальности.

Ресурсное проклятие⁵

В современном обществе при упоминании “ресурсного проклятия” чаще всего вспоминаются углеводороды, что, конечно же, неверно. “Ресурсное проклятие” на Руси начиналось с земли. В отличие от Запада, земля как ресурс в начале и середине прошлого тысячелетия, особенно с началом освоения русского Севера и Сибири, по причине ее обилия не представляла для русских сколь-нибудь существенную ценность. Более или менее значимую роль при оценке ценности земли играли не столько плодородие или расположение, сколько затраченный на ее освоение труд, природно-климатические условия, а также, в случае если земля была расположена на приграничных территориях, отвлечение сил и средств на оборону и безопасность. Впрочем, со временем последний аспект, в силу интуитивно нащупанной властью тактики наделения окраинной землей ратных людей, пере-

⁵ Термин “сырьевое проклятие”, отражающий ситуацию, когда значительные природные ресурсы препятствуют экономическому развитию, стал общеупотребительным после публикации Джеффри Сакса и Эндрю Уорнера “Природные богатства и экономический рост”, где указывалось, что в 1970–1989 гг. страны, экспорт природных ресурсов из которых был существенным, как правило, отставали в экономическом росте от стран, где природных ресурсов в структуре экспорта было немного. Из 23 развивающихся стран лишь в Маврикии и Малайзии темпы роста были сопоставимыми с темпами “несырьевых” государств (Sachs J., Warner A. Natural Resource Abundance and Economic Growth. – Cambridge: NBER Working Paper 5398, Dec. 1995).

форматировался из обременения в преимущество: земельный надел на границе доставался собственнику даром, а платой за государеву “щедрость” становилась охрана рубежей государства. Причем через непродолжительный промежуток времени еще вчера приграничный надел, как правило, оказывался в глубине российской территории.

Неудивительно, что развитие натурального хозяйства в России в ранний период и Средние века основывалось на казавшемся тогда неисчерпаемом главном ресурсе натурального хозяйства – земле, чего на Западе с ее незначительной территорией не было и в помине. Как писал русский экономист XIX в. Александр Кауфман, “пока земельный простор во много раз превышал трудовую способность населения, последнее не ощущало надобности в регулировании ни землевладения, ни землепользования”¹⁷. Новые земли осваивались, колонизировались путем, в основном, ненасильственного захвата, на них возникали сначала починки (починок – вновь возникшее сельское поселение из одного двора; когда рядом возникали один или два других двора, починок становился деревней. – *Н.К.*), а потом и многодворные населенные пункты. Если бы освоение территорий не было сопряжено со значительными трудностями, требующими приложения существенных физических усилий, как правило, неподвластных одной, пусть даже крупной, семье, в дальнейшем мы, возможно, увидели бы становление индивидуальной, а потом и частной собственности на землю. Еще один эле-

мент, упоминавшийся при выявлении ценности земельного надела – тягло (тягло – совокупность податей, уплачиваемых индивидуально или общиной по общей раскладке. – *Н.К.*). Тягло часто перевешивало вложенные в освоение земельных участков ресурсы и становилось базовой причиной бегства крестьян с обработанных земельных участков. Сибирь и Север европейской части России еще долго осваивались преимущественно самозахватом, при этом наместники удельных князей и государевы люди были заинтересованы, в первую очередь, не в наделении крестьян землей (этой проблемы не существовало), а в том, чтобы никто не ушел от тягловой запряжки.

Совместный характер освоения и обработки земель привел к формированию социально-правового подхода к земельной собственности как общинной ценности, потребовавшей должного оформления и регулирования лишь когда на фоне наметившегося недостатка свободных земель в европейской части России и значительного объема вложенного поколениями труда было введено подушное обложение, которое, в свою очередь, сопровождалось переделом земельных участков пропорционально платежам. Тем не менее общинный взгляд на землевладение не претерпел сколь-нибудь существенных изменений, закристаллизовавшись в менталитете русских в виде отношения не только к земельным ресурсам, но также к флоре и фауне, а в дальнейшем и к полезным ископаемым как принадлежащим, по мнению русских,

всем членам большой общины под названием “Россия”.

Проецируя представленный выше тезис Кауфмана на все российское население, притом что “община, освоив известную территорию, резервирует, так сказать, пользование этой территорией исключительно своим членам: она их допускает, посторонних же она не допускает до “занятия” земли в черте освоенной ею территории”¹⁸, мы придем к следующему заключению. Сосредоточение “активов” (земельных участков, лесных угодий, прибрежных территорий, полезных ископаемых) в частных руках идет вразрез с укоренившимися представлениями русского человека о факторах производства как об общественной (коллективной) собственности, издревле дававшей хлеб, соль, меха, рыбу, воск, а затем еще и деньги, причем немалые. В свою очередь, общественные блага в пределе нашего социального воззрения стремятся к неисключаемости в потреблении и несоперничеству в доступе, проще говоря, земля, полезные ископаемые, инфраструктура в русском понимании должны использоваться на благо всего общества, а не с целью обогащения отдельных лиц, тем паче с нарушениями закона.

Не означает ли вышесказанное, что русский народ пока, что называется, не созрел до полноценной институционально закрепленной частной собственности на активы? Возможно, хотя русские историки предпочитали в открытую об этом не говорить. Посмотрите, как о русском раннем детстве отзывался историк Борис Чичерин: “Личность челове-

ческая отнюдь не вдруг выступает на историческое поприще. Пока народ находится в состоянии еще младенческом (в древности. – *Н.К.*), в нем преобладает чувство общности; все сливается в безразличную массу, поглощающую в себе неделимые существа. Только мало-помалу, при внутреннем развитии общественного быта и в особенности при столкновении народа с другими племенами, из этой массы выделяются личности, которые, приходя к сознанию своей особенности и своих частных интересов, начинают предъявлять свои отдельные требования и права. Тогда образуется и частная собственность, которая прежде поглощалась совокупным владением общины... Полное освобождение частной собственности из единства родового владения является уже плодом долгого и медленного исторического процесса”¹⁹.

А что же Запад, каков его взгляд на российский менталитет? Западные ученые приходили к схожим выводам как на предмет происхождения института общинности, так и по поводу наличия прочих институтов. Известный шведский экономист и политолог Стефан Хедлунд подчеркивал, что “крепкие нормы коллективизма, которыми была пронизана советская эра (та самая экономика централизованного планирования, о которой говорил Гринспен. – *Н.К.*), в целом уходят корнями в глубокое прошлое и существовали задолго до большевиков... В то время как функциональное происхождение этих норм вызывает громкие споры, нетрудно документально подтвердить, что коммунальные сельские ин-

ституты, такие как мир и община (здесь швед Хедлунд, очевидно, по незнанию употребляет синонимы. – *Н.К.*), романтизировались и считались некоей сущностью всего русского. Немало говорит об этом наследии то, что после прихода к власти большевиков бедные крестьяне взяли дело в свои руки и насильно положили конец начатым при премьер-министре Столыпине в 1906 г. попыткам позволить всем желающим сделаться частными фермерами, владеющими законными правами на свою долю общинной собственности”²⁰.

Японский исследователь Кандзи Хайтани полагает, что “индоктринация (навязывание массовому сознанию системы убеждений, установок, стереотипов. – *Н.К.*), проведенная советским правительством, не создала коллективистскую ориентацию русского народа; скорее, она помогла сохранить, взлелеять и расширить традиционный коллективизм, развившийся в стране за века жизни при диктаторском режиме”²¹. (Здесь мы не станем уходить в неявно навязываемую политологическую дискуссию об отличиях монархии, авторитаризма и диктатуры, а также об эффективности монархического или авторитарного правления, к тому же теоретические изыскания и результаты развития многих развивающихся стран-лидеров говорят нам о том, что отчетливой взаимосвязи между политическими институтами и экономическим ростом не существует.)

В середине 1980-х гг., практически в одно время с Хедлундом и Хайтани, американский историк-славист Эдвард

Кинан представил свое видение возникновения институциональной основы в политике: “Гипотеза о депривации очень слабо объясняет ту политическую культуру, которая развилась в Московии, а также не отвечает на вопрос, почему эта культура была – несмотря на черты, которые западным людям могут показаться непривлекательными или “несовершенными”, – такой эффективной и так прекрасно подходила для удовлетворения нужд Московии... Создание специфической и удивительно эффективной политической культуры во враждебной и угрожающей среде, бывшей колыбелью политической культуры России, было самым выдающимся достижением этого народа”²².

Термин “ресурсное проклятие” стал общеупотребительным в отношении России лишь во второй половине XX – начале XXI в. и совпал с периодами спекулятивного роста цен на углеводороды. В этой связи непонятно, почему Россия в недавнем “нефтегазовом” прошлом, да еще с исконными общинными представлениями о коллективных правах собственности на упомянутые факторы производства, должна была добровольно отказаться от материальных результатов сваливавшихся на нее естественных преимуществ и, отказывая себе в росте общественного потребления, идти в неизвестном направлении с неопределенным исходом, к примеру по пути той же туманной модернизации, без неотложных на то причин. Исконная русская бедность, ставшая такой же

неотъемлемой чертой национального существования, как пресловутые бескрайние просторы, а также потери и лишения, с которыми столкнулись люди в период проведения так называемых либеральных реформ 1990-х, просто не оставляли властям предрержащим начала XXI в. иного выхода, кроме перенаправления значительной части сырьевых сверхдоходов на повышение уровня жизни людей. Не учли лишь одного – “деревья не могут расти бесконечно”. Перманентные поиски нового выгодного “ресурса” также всегда сопровождают нашу экономическую историю. Эта ментальная черта въелась в умы даже тех современных российских экономистов, кто мнит себя “либералами”. Дошло до того, что предлагается экспортировать человеческий капитал, подразумевая под ним интеллектуальные способности молодого поколения: “Если мы в состоянии много лет производить качественный человеческий капитал, это должно стать нашей мировой специализацией. Нужно на наши университеты замкнуть мировые студенческие потоки и сделать это предметом экспорта”²³. Логично спросить, есть ли у инициаторов подобного полурабского экспорта права собственности на интеллект других индивидуумов, но в данном случае важен не ответ на этот вопрос, а само направление поиска, сочетающее в себе ментальные отголоски рабства и “природно-сырьевого” проклятия. Еще один момент – ex ante отказ без малого 150 миллионам российских граждан в способности к эффективному

квалифицированному труду – оставим на совести “эксперта”.

На примере России мы имеем дело с экономической моделью, позволяющей вот уже больше тысячи лет существовать и развиваться, не прикладывая к этому сколь-нибудь существенных и, что важно, регулярных усилий, исповедуя отличные от остального мира ментальные ценности. Лишь в отдельные короткие периоды истории неспешное течение российской экономической реки прерывалось мощными модернизационными порогами, причем, как правило, модернизационная политика навязывалась сверху, по вертикали. Но и в немногих локальных случаях модернизации по горизонтали главным фактором успеха было обилие все тех же “проклятых” ресурсов.

России, безусловно, не нужно было “напрягаться”, как это происходило при Петре I или Иосифе Сталине. Страна могла бы развиваться семимильными шагами при социально-экономических нововведениях, способствующих раскрытию ментальных черт русского характера, чему есть многочисленные исторические примеры и подтверждения из предшествующего развития.

Церковь

В “великом расхождении” свою роль сыграла своекорыстная линия поведения представителей Русской православной церкви (РПЦ). На протяжении веков церковь как в России, так и в Европе была увлечена преумножением своих богатств, однако, в отличие от католической, а затем и протестантской, РПЦ пошла по пути соглашательства с практически любыми действиями властей, даже не пытаясь заявиться на общественной арене в качестве независимого, автономного, внегосударственного (или надгосударственного) института.

Русские историки скрупулезно описывали предпринимательские выгоды церковного бытия самых разных эпох, приведем лишь малую часть из зафиксированного. Например, Кирилло-Белозерский монастырь владел «обширными вотчинами на протяжении от Белого моря вплоть до Москвы, имел большое количество пахотных земель, но обрабатываемые за счет монастыря земли не отличались большой доходностью, сравнительно невелик был и оброк с крестьянских земель, он составил в 1601 г. 300 руб. кроме продуктов. Напротив, в том же году улов рыбы в количестве 16 тыс. шт. дал 553 руб., а от сбыта соли получилось 4445 руб. Рыбные и, в особенности, соляные промыслы составляли, следовательно, несравненно более важный источник дохода мо-

настыря, чем сельское хозяйство. Монастырю удалось приобрести значительное количество рыбных езов (ез – частокол или плетень поперек реки, чтобы не дать рыбе хода и выловить всю на месте. – *Н.К.*), частью путем купли, частью же и главным образом в качестве пожалований... Еще большее значение имело добывание соли. Стягивая в свои руки солеварение в нескольких местностях северного края, монастырю в небольшой сравнительно промежуток времени удалось довести свой соляной промысел до степени весьма крупной и доходной статьи, несмотря на то, что для этого ему необходимо было собрать целый ряд незначительных долевых участков в варницах. Он старался монополизировать солеварение, вытесняя мелких промышленников. Это значительно облегчалось тем, что кирилловская братия, участвуя в сябренных товариществах (сябры, или шабры, – прообраз современных акционеров: владельцы общего капитала, имевшие возможность продать или заложить свою долю. – *Н.К.*), которым принадлежали варницы, не платила податей и за них вынуждены были делать взносы “тяглые отсталые людишка”, которые вследствие этого, “в земских разметех в конец загибли, платячи за тех сильных людей”, “охудали” и частью “разбежались от тех их нужни и от голода”. Солеварение было выгодно для монастыря и по той причине, что ему предоставлялось право беспошлинной продажи до 40 тыс. пудов соли»²⁴.

А вот одна из коммерческих вех существования Соловец-

кого монастыря периода русского Средневековья: царской грамотой 1592 г. монастырь освобождался на пять лет от оброков и дани с рыбных ловель и за десятую рыбу в волости Варвуге, за десятую рыбу в Кеми, с рыбных ловель в Сумской волостке, на р. Выге, в Двинском уезде с двух пренов для солеварения и с варницы в Неноксе. Монастырь был также освобожден в Вологде от пошлин с привозимой им с Холмогор соли²⁵.

Следующий пример. «Жалованная грамота Николаевскому Корельскому монастырю 1578 г. упоминает о том, что имеется: “Монастырский промысл в Уне и в Неноксе, розсольные вытки (доли. – *Н.К.*) в варницах и дворы и те деи они промыслом секут дрова монастырскими людми и наймиты и водят деи к тому промыслу на монастырских лошадах дрова и варят соль и ти соль променивают на хлеб... да у них же на Двине на Малокурье Кол тоня (место на реке или водоеме, где производится лов рыбы неводом. – *Н.К.*), да за монастырем Кудмо озеро да Солза речка, рыбные ловли; да у них же деи промысл за морем за Терской стороне, в Варвуге реке луки, рыбные ловли”»²⁶.

Наконец, Троицко-Сергиев монастырь, расположенный в центральной части России, имел на Севере свои соляные варницы и рыбные промыслы. “В 1641 г., в момент описи монастыря царской комиссией, он владел варницами Солигаличскими, Балахонскими и на реке Луде, рыбные ловли производились на реке Стерже, в Останкинском уезде, на

Волге близ Терюги и на севере в Варзуге”²⁷. Помимо бес-
счетных оброков и коммерческих доходов церковь получала
доходы, вступая в права наследства. Из трудов профессора
Казанской духовной академии Ивана Покровского мы узна-
ем, что «в древней Руси на всех наследниках лежала строгая
и непрременная обязанность устраивать поминование по ду-
ше покойника. Сама казна, получая выморочное наследство,
не освобождалась от этой обязанности (наследство считает-
ся выморочным, когда наследники либо отсутствуют, либо
не приняли наследство, либо утратили на него право; такое
имущество отходило казне. – *Н.К.*). Законы царя Ивана Ва-
сильевича, грамоты царя Михаила Федоровича обязывали
наследников “устраивать душу умершего”, т. е. делать вкла-
ды из наследства на помин души покойника... Казанский ар-
хиерейский дом до самого конца XVII в. пользовался правом
наследства “на помин души”»²⁸.

Известные западные экономисты, социологи и филосо-
фы Дипак Лал, Гарольд Берман, Джек Гуди, Жан Делюмо
и другие неоднократно отмечали, что “великое расхожде-
ние” между западноевропейской и другими цивилизациями,
в том числе русской, произошло из-за изменения космологи-
ческих и материальных представлений в VI–XI вв., связан-
ных главным образом именно с шагами церкви, сначала в се-
мейных, а затем и в материальных отношениях. Первым эта-
пом стали буллы VI в. (булла – основной средневековый пап-
ский документ со свинцовой, реже – золотой печатью. – *Н.К.*)

Папы Григория I по семейным вопросам, вторым – буллы XI в. Папы Григория VII по вопросам собственности. РПЦ, повторюсь, во все времена была занята беспечным преумножением своих богатств, уверовав в то, что ее статус одной из двух опор общества (другая – государство) непоколебим.

Вот что пишет Лал о первой церковной революции Папы Григория I: “В рамках традиционной системы акцент делался на обеспечение перехода имущества семьи по наследству, поэтому разрешались браки между близкими родственниками, женитьба на вдовах близких родственников, усыновление их детей и сожителство вне брака, которое рассматривалось как одна из форм семейного союза. Григорий все это запретил. К примеру, в Англии усыновление детей вновь было разрешено лишь в XIX веке. Имущество, которое нельзя было передать по наследству в рамках самой семьи, завещалось главным образом церкви. В результате ее собственность росла феноменальным образом. Во Франции, например, до трети сельскохозяйственных земель к концу VII века оказалось во владении церкви”²⁹.

Стремительное обогащение церкви привлекало многочисленных “хищников”, причем как в самой церкви, так и за ее пределами. Для того, чтобы обезопасить себя и не допустить антицерковной “экспроприации”, случившейся позднее в России, «Григорий VII в 1075 году осуществил [вторую] папскую революцию, поставив Бога выше кесаря – для этого он использовал такое мощное оружие, как угроза от-

лучения⁶. Поскольку вследствие этого церковь оказалась напрямую вовлечена в мирские дела, новое “церковное государство” создало все административные и правовые атрибуты, которые сегодня мы ассоциируем с современной экономикой... Таким образом, папская революция Григория VII разорвала путы, сковывавшие базовый “инстинкт торговли”, а со временем изменила и традиционные евразийские материальные ориентиры, основанные на подозрительном отношении к рынку и торговцам»³⁰. Таким образом, Григорий VII провозгласил создание вневременного и экстерриториального церковного государства, ставшего организационным примером независимым европейским городам-государствам, а церковное право стало образцом для городского и коммерческого законодательства.

Безусловно, одной из причин “великого расхождения” послужило то, что католицизм, в отличие от православия, в начале второго тысячелетия новой эры распространился на множество европейских государств, но более очевидной представляется следующая предпосылка. На Руси церковные иерархи того периода выбрали для себя и подчиненного духовенства более удобный утилитаристский путь всесторон-

⁶ В 1075 г. Папа Григорий VII объявил: “Да будет царство земное слугою, или рабом, царства небесного”. Суть была простой: покусившись на владения церкви, вероотступник не только отлучался от церкви, но и обрекал себя на вечные муки после смерти (*Dumont L. Essays on Individualism. – Chicago, 1986. – P. 40.* Цит. по: *Лал Д. Возвращение “невидимой руки”: актуальность классического либерализма в XXI веке: Пер. с англ. – М., 2009. – С. 24).*

него взаимодействия со светской властью, по сути, предпочли торговлю веро.

К чему привело такое заигрывание, известно: в 1700 г. произошла фактическая “национализация” церкви, когда после смерти Патриарха Адриана Петр I высочайше запретил избрание нового Владыки, а через 20 лет учредил Духовную Коллегию (петровское реформирование государственного аппарата копировало шведскую систему коллегий), вскоре переименованную в Святейший Правительствующий Синод. Синод во главе с Императором в качестве “крайнего Судии сей Коллегии” стал государственным органом, выполняя функции общецерковного управления почти два века, с 1721 по 1918 г.³¹

Ко времени “национализации” РПЦ была настолько ослаблена внутренними противоречиями, конфликтами и распрями, что не могла сопротивляться. Как пишет Ричард Пайпс: “*Coup de grace* (последний, смертельный удар. – *Н.К.*) был нанесен жертве, которая и так дышала на ладан и поэтому почти не дернулась: протестов не было – было одно лишь безмолвное повиновение. Ни одна церковь христианского мира не дала себя секуляризировать с таким равнодушием, с каким это сделала церковь русская”³².

И пусть некоторые историки утверждают, что предпринятая Петром I трансформация духовного в гражданское стала конкретным проявлением стремления Императора порвать с византийским прошлым, с экономической точки зрения вер-

ной представляется иная версия, объясняющая столь коварные действия самодержца. В Средние века в России было два крупнейших купца, землевладельца и мануфактурщика – государство и церковь, в отношениях которых постоянно наличествовал конфликт, закончившийся вероломной победой земного над небесным.

После Октябрьской революции 1917 г. церковь в России была отделена от государства, а с 1918 г. власть большевиков и вовсе перекрыла финансирование церкви из бюджета. Начались гонения и репрессии: по разным оценкам, только в 1917–1922 гг. было казнено 28 епископов и до 1200 священников³³. На протяжении практически всех лет правления Советской власти церковь находилась под неусыпным контролем партийных органов и спецслужб: после развала СССР многие церковные иерархи позднесоветской поры признавались в тайном сотрудничестве с правоохранительными органами, а оперативные псевдонимы некоторых на волне гласности тех лет стали достоянием общественности.

Впрочем, объяснять крах “независимости” РПЦ одними лишь пересекающимися с государством бизнес-интересами было бы поверхностно. Во все времена и в России, и на Западе церковь претендовала на роль совокупного “пастыря”, разрабатывающего и внедряющего в общество философские, мировоззренческие и нравственные ориентиры. Католическая церковь лицемерно смогла внушить людям,

что любое посягательство на чужое, в первую очередь церковное, благосостояние безнравственно, аморально и подлежит немедленному вечному наказанию. Но в то же время католичество так и не смогло предложить людям адекватную идеологическую повестку (как принятую обществом систему взглядов и идей). На Западе за церковь это сделало гражданское общество, а также государство посредством интеллекта антропологов, экономистов, социологов, философов. Впрочем, насколько у них получилось, точнее, не получилось, можно судить по многочисленным современным западным фиаско.

В России не случилось ни первого, ни второго, больше того, религия, по мере развития экономики и общества, и не могла дать ответы на многие мировоззренческие нравственные вопросы. В этой связи уместно привести созвучную цитату из Фридриха Хайека: “Усилия, предпринимаемые церковью для выработки законченной общественной философии, и те абсолютно противоположные результаты, к которым приходят многие начинающие с одних и тех же христианских оснований, показывают, что религия сама по себе не дает нам ясного руководства в этих вопросах. Несмотря на то, что упадок ее влияния, несомненно, является одной из главных причин нынешнего отсутствия у нас ясных интеллектуальных и нравственных ориентиров, возрождение религии не намного уменьшило бы потребность в пользующемся всеобщим признанием принципе общественного порядка.

Мы все равно нуждались бы в политической философии, которая шла бы дальше фундаментальных, но общих предписаний, предоставляемых религией и нравственностью”³⁴.

Названные причины “великого расхождения” – различия в этосе, наличие ресурсов и неблагоприятная роль церкви, – безусловно, не исчерпывают перечень оснований. Оставим другим исследователям изучать оные и перейдем к рассмотрению еще одной, возможно ключевой для решения проблемы устойчивого экономического роста, черте русского национального характера, проистекающей из “моральной экономики” Александра Чаянова.

* * *

¹ *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М., 1997. – С. 21–22.

² *Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: Пер. с англ. – М., 2004. – С. 66–67.

³ Там же. – С. 78.

⁴ *Норт Д.* Указ. соч. – С. 21.

⁵ *Мизес Л.* Либерализм. – М., 2011. – С. 23.

⁶ *Вебер М.* Избранное: протестантская этика и дух капитализма. – 3-е изд., доп. и испр. – М.; СПб., 2013. – С. 7, 9–10.

⁷ *Хайек Ф.А.* Право, законодательство и свобода: совре-

менное понимание либеральных принципов справедливости и политики / Пер. с англ. Б. Пинскера и А. Кустарева; Под ред. А. Куряева. – М., 2006. – С. 22.

⁸ Вебер М. Указ. соч. – С. 28–29.

⁹ Цит. по: *Поланьи К.* Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / Пер. сангл. А.А. Васильева, С.Е. Федорова, А.П. Шурбелева; Под общ. ред. С.Е. Федорова. – СПб., 2014. – С. 66.

¹⁰ Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. – М., 2012. – С. 106.

¹¹ *Поланьи К.* Указ. соч. – С. 71.

¹² *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. – М., 1962. – С. 29.

¹³ Вебер М. Указ. соч. – С. 26.

¹⁴ См.: Remarks by Chairman Alan Greenspan [Электрон. ресурс]: At the Woodrow Wilson Award Dinner of the Woodrow Wilson International Center for Scholars, New York, June 10, 1997 // The Federal Reserve Board: Speeches. – URL: <http://www.federalreserve.gov/boarddocs/speeches/1997/19970610.htm> (дата обращения: 13.12.2015).

¹⁵ См.: Вебер М. Указ. соч. – С. 10.

¹⁶ См.: *Заостровцев А.П.* О развитии и отсталости: как экономисты объясняют историю? – СПб., 2014. – С. 210–211.

- ¹⁷ *Кауфман А.А.* Русская община в процессе ее зарождения и роста. – М., 2011. – С. 244.
- ¹⁸ Там же. – С. 263.
- ¹⁹ *Чичерин Б.Н.* Опыты по истории русского права. – М., 2014. – С. 4–5.
- ²⁰ См.: *Hedlund S.* Crisis in Soviet Agriculture. – London: Croom Helm, 1984; *Hedlund S.* Private Agriculture in the Soviet Union. – London: Routledge, 1989.
- ²¹ См.: *Haitani K.* Comparative Economic Systems: Organizational and Managerial Perspectives. – N.J., 1986. – P. 40.
- ²² См.: *Keenan E.* Muscovite Political Folkways // *Russian Review*. – 1986. – Vol. 45. – No. 2. – P. 119, 122.
- ²³ *Натитник А.* Александр Аузан [Электрон. ресурс]: Как вывести экономику из комы // *Harvard Business Review* – Россия. – 2015. Июнь-июль. – URL: <http://hbr-russia.ru/biznes-i-obshchestvo/fenomeny/a15967/#ixzz3juq3fkYi> (дата обращения: 13.12.2015).
- ²⁴ *Кулишер И.М.* История русского народного хозяйства. – 3-е изд. – Челябинск, 2012. – С. 385.
- ²⁵ См.: *Ключевский В.О.* Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае. – М., 2012. – С. 18, 25, 29.
- ²⁶ *Кулишер И.М.* Указ. соч. – С. 383.

²⁷ Горский А.В. Историческое описание Свято-Троицкого Сергиевы Лавры. – Ч. I. – М., 1890. – С. 198.

²⁸ Покровский И.М. Казанский архиерейский дом. – Казань, 1906. – С. 205–206.

²⁹ Лал Д. Возвращение “невидимой руки”: актуальность классического либерализма в XXI веке: Пер. с англ. – М., 2009. – С. 229–230.

³⁰ Там же. – С. 230.

³¹ См.: Цыпин В.А. Ведомство православного исповедания // Православная энциклопедия. Том VII. – М., 2004. – С. 369.

³² Пайнс Р. Россия при старом режиме / Пер. с англ. В. Козловского. – М., 1993. – С. 315.

³³ См.: Остлинг Р. Крест встречается с Кремлем // Тайм. – 2001. – 24 июня.

³⁴ Хайек Ф.А. Индивидуализм и экономический порядок / Пер. с англ. О.А. Дмитриевой; Под ред. Р.И. Капелюшников. – Челябинск, 2011. – С. 2–3.

Глава 2. Моральная экономика

Эта глава о том, как, быстро обретая, мы теряем снова. В советский перестроечный период страна узнала об изысканиях выдающегося русского экономиста Александра Чаянова, о его семейно-трудовой теории, получившей название “моральная экономика”. И что? Стали выводы Чаянова подспорьем? Нет. Да что там, уже через несколько лет Чаянова забыли, хотя он нашел один из ключиков к экономическому развитию России. В этом разделе – о теории Чаянова, о “спящей” социально-экономической базе хозяйственного роста, о стимулировании рождаемости и мерах по поддержке обеспечения семей крышей над головой, о потребностях и консюмеризме.

По мнению Вадима Кожинова, Россия на стыке XIX–XX вв. по многим экономическим показателям «отставала всего только от трех специфических стран “протестантского капитализма”, где непрерывный промышленный рост являл собой как бы важнейшую добродетель и цель существования, – Великобритании, Германии и США»¹. Констатация, без сомнения, почетная, однако из нее возникает ряд вопросов, один из которых можно сформулировать так: сильно ли перетруждались наши предки, преумножая российскую

экономическую мощь? Если и напрягались, то не сильно, подтверждением чему множество объективных и субъективных факторов, от преимущественно подвижнического образа жизни, особенно в ранние века русской истории, до выработанного поколениями навыка неприхотливости и привычки довольствоваться самым необходимым. Дополнительный заработок, превышающий текущие и отчасти будущие краткосрочные потребности семьи, – дело, конечно, хорошее, но стоит ли надирать жилы ради неочевидного результата? Почему неочевидного? Потому что государственно-политические, социально-экономические, природно-климатические обстоятельства внезапно могли стать негативными.

Без напряжения

Модель экономического поведения, когда семья довольствуется доходом, обеспечивающим удовлетворение лишь базовых потребностей, будучи уверенной в том, что власть, родственники, соседи в случае чего помогут, впервые была сформулирована русским экономистом Александром Чаяновым и получила название “моральная экономика”⁷. Хотя более подходящим был бы термин “функциональная экономика”, или система хозяйствования, зависящая от результатов семейной жизнедеятельности, а не от структуры, строения национальной экономики.

Дефиниция же “моральная экономика”, скорее, перенаправит неискушенного читателя к категориям нравственности, духовности, в крайнем случае к специфическому устареванию объекта (“моральный износ”), но не к рациональному расходованию семейных трудовых ресурсов в стремлении обеспечить безопасное существование и устойчивые социальные связи (социальный капитал). Что, кстати, соответ-

⁷ Теория моральной экономики, к огромному сожалению, так и осталась незавершенной. Коренной москвич Александр Чаянов, родившийся в 1888 г., в июле 1930 г. вместе с другими крупнейшими русскими экономистами был арестован по делу вымышленной “кулацко-эсеровской группы Кондратьева – Чаянова”, в 1932 г. осужден коллегией ОГПУ при Совнаркомом СССР на пять лет тюремного заключения, а 3 октября 1937 г. расстрелян в Алма-Ате. Реабилитирован посмертно в 1987 г.

ствует появившейся позднее (в 1954 г.) иерархии потребностей Абрахама Маслоу, где на базовом уровне находятся физиологические потребности, затем потребности в безопасности, потом социальные потребности, после – потребности престижа и, наконец, духовные потребности²

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.